

Не слишком ли высоко берёшь?

Конечно, слишком..., но в том-то и величие Божие, что Он всюду — и с великим праведником, и с великим грешником, ощутившим вдруг радость от соприкосновения со святыми словами и божественными напевами.

— Откуда он у тебя взялся, Исаак этот?

— Да думается, что как-то ненароком, от Петра Мамонова. Я его слушал, видел (на планшете), он мне нравился, хотя и актёр же он, но искренне и честно выражал «богословские истины», пережитые чувства, и часто упоминал: «любимый мой отец Исаак Сирин»... Ну, говорил и говорил: Исаак да Исаак... а однажды рядом (на экране) как-то возникла картинка: Спаситель-Христос (древний знакомый образ). Репродукцию такую неоднократно я видел, похожий на фаюмские портреты... и внизу под керамикой текст: «Исаак Сирин. Молитва»... Я и нажал, оставив Мамонова... И прорезались слова, да так сразу явственно: «Всеми костями моими и всем сердцем моим приношу я Тебе службу»..., и музыкальный певческий фон, пронизывающий и сладостный до слёз, и — с первых строчек... Кто этот текст читает сегодня, сказанный и написанный аж в VII веке, чистоты необыкновенной и глубины сердечной. Кто сегодня, монах или актёр, ширь эту богомысленную пропустив через своё сердце и «задев седьмой век» — с Исааком Сириным, смог воззвать, вписать в сегодняшнюю суету и сумятицу божественные слова?

«О всеславный Бог, живущий в неизъяснимом молчании! Ради обновления моего Ты построил на земле скинию любви, место покоя для воли Твоей, храм из Плоти, устроенный с помощью святого елеса, который превыше всякой святости. Ты наполнил его святыми Твоими, чтобы в нём совершалось служение всех; и поклонение вечным Ипостасям Троицы Твоей указал Ты в нём; и открыл мирам, которые Ты сотворил по благодати Твоей, неизреченную тайну и силу, которую не могут ощутить или познать чувства тварей Твоих, пришедших в бытие...»

Да, знатко! Такое не часто слышишь. И откуда? Из интернета!..

А мы, в быту суетном, совсем забыли Бога. В храм ходим, воскресные Евангелия слышим..., а вышли и забыли, и мир нас снова зацепляет и держит крепко в объятиях своих.

Но появляются люди, их немного, но есть, прежде городские, а ныне потянувшиеся в деревню и вкусившие сладость крестьянского труда и

тишины, и другим рекомендуют ценить одиночество и постигать, как можно жить одному в деревне, да ещё если и выключат электроэнергию...

Такие «тренировки» нужны для нас самих, потому что рано или поздно одному придётся остаться... Тот же Пётр Мамонов предагает «попробовать ложиться в гроб». Ему такой сюжет приходилось играть в фильме «Остров», и чтобы сыграть «натурально», естественно (а Мамонов человек и актёр искренний и честный), он ложился в гроб и рассказывает теперь в интервью, что поначалу несколько раз выскакивал и убегал... от страха. А чего, казалось бы, бояться?.. Понятно, чего: грехов множество — нераскаянных — «выбивало» меня из гроба-то, «аж до пота холодного».

Только вспоминать надо жизнь свою — грехи свои, по честному, не ища оправданий, и сначала себе самому, а потом на исповедь идти к священнику или священника в дом позвать, если сильно болен. Надо понуждать себя к такой духовной работе... «Повторы греховные» снова настанут (такова наша падшая природа человеческая), но и опыт борьбы с грехом и страстями появится, и жизнь и цель прояснятся.

А голос (актёра или монаха?) проникновенно вторит и вторит: «К подожию ног Твоих повергаюсь я, Господи, и к деснице Твоей святой, которая сотворила меня и сделала меня человеком, познавшим Тебя. Но я согрешил и совершил зло пред собою и пред Тобою, оставив святую беседу с Тобою и отдав дни мои беседам с похотями. Умоляю Тебя, Господи, не вмени мне грехов юности моей... как Отец заботится о своем маленьком сыне, так и Твоя забота сопутствовала мне; отеческая благодать Твоя посетила немощь мою и не смотрела на то, чтобы испытывать волю мою, ибо Ты знал меня во все времена — знал, что меньше младенца знаю, куда иду... Не лиши меня, Господи, защиты Твоей, чтобы не обрёл меня враг мой и не попра... Ибо Ты — Тот, Кто даёт покаяние и сердце плачущее грешнику кающемуся...»

Плачет душа от тяжести греховной, нет чистоты сердечной, Церкви Твоей и Ты Сам как будто не существовали для меня. Сомнение и блуд путями моими были. Лениость и развлечения в зрелищах непристойных нормой жизни моей были. Холодность и бесчувственность окутывали меня, пьянство и азартные игры были частым грехом моим... И ныне в крайнем отчаянии моём что-то остановило меня, и я стучусь, Господи, «В дверь сострадания Твоего, пошли помощь моим разрозненным порывам, отравленным множеством страстей и мощью тьмы. Возбуди во мне страдание от видения ран моих... Помоги слабым порывам моим к истинному покаянию, придти и получить облегчение от бремени грехов».

Времени грехов, однако, мы подолгу можем не ощущать, как-то мы умудряемся (враг нам в этом «умудрении» ловко помогает, на радость беспечности нашей), но настанёт момент скорбный — так мы будем считать, а на самом деле — спасительный, милостью Божией, а иначе нас не проймёшь. Святые отцы об этом чётко говорят: «Страсти истребляются страданием и скорбию — или произвольною, или посылаемые Промыслом» (Серафим Саровский).

Ну «произвольною», это святые про себя говорят... нам, выходит, что только скорбью или болезнью (и мы это не всегда понимаем, спасительность, то-есть) и нередко говорим: «За что, Господи?», хотя, поразмыслив, знаем, за что.

Одна женщина как-то размышляла о семейных неурядицах (семья воцерковлённая), откуда они? Непонимания, споры, тягостные молчания и взрывы словесные, и сделала вывод, и кажется, очень правильный, и как на исповеди сказала: «Я очень любила свою маму, но почему-то у них с отцом нас, детей, было только двое». Думалось мне, и у всех их сверстников тоже было по двое (её родители — это почти наше поколение, чуть постарше). И когда она это сказала, я в свою очередь, и в какой уже раз, устыдился за нас с матушкой — у нас тоже было двое детей... Наше поколение бесконечно согрешало абортами. Это было безобразной «нормой жизни», и когда соседку видели в третий раз «с животом», то

крутили у виска пальцем... Вот откуда у нас и у наших детей, в большей или меньшей степени ненормальная, в духовном смысле, жизнь. Слава Богу, наши дети стараются родить и аборты считают, как и полагается, тяжким грехом, за который, в частности, советский — русский народ платит онкологическими, алкоголическими и другими пороками безбожного воспитания.

Но почему же плакали и каялись святые люди из седьмого и ещё ранних веков?..

«Семя греха во мне есть». И оно от Адама, и святые плачут и каются за мир падший, и за нас, и с нами, потому что у святых, наверное, таких упоминаемых, личных грехов не было.

«О Боже, благодаря терпению Твоему к грехам моим Ты даёшь мне жизнь в мире сем; не лиши меня жизни мира грядущего, которой с надеждой ожидают те, что среди скорбей ищут Тебя здесь».

«О Тайна, возвышенная за пределы слова и молчания... О Боже, Отец мой и Господь жизни моей, зажги светильник Твой внутри меня, помести во мне то, что Твоё, дабы я забыл о своём... Даруй мне в служении Тебе окончить краткую и мимолётную жизнь мою; да окажусь я поблизости от Тебя в конце дней моих, да буду в винограднике Твоём на закате жизни моей... По благодати, Господи, а не по делам моим удостой меня даже в одиннадцатый час жизни моей оказаться бодрствующим в служении Тебе. Да не пленит меня мир собеседованиями своими, полными соблазна, и да не заключит меня в клетку забот своих» (Тоже — Исаака Сирина. Молитва).

«Любимый мой отец Исаак Сирин» — часто повторял Пётр Мамонов в своих беседах и встречах с людьми. Теперь понятно, почему балагур и весельчак и актёр и «крутой парень» стал христианином, и как он сам говорит, церковным человеком... Конечно, становление было нелёгким и непростым, но очевидно, когда станет неспособен — крик души отчаянный к Господу прорвётся, и потом внимательное чтение Исаака могут сделать невозможное человеку... надо только сильно пожелать. И пойти. Как блудный сын к Отцу.

* * *

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Лазарь умер. Господь его воззвал из недр земли: «Лазаре гряди вон...», и он выходит.

Воззывает и нас Господь от «недр греховных». Все мы находимся в «могилах греховных», кто глубже, кто повыше... Могила — пещеру Лазаря — и ныне посещают паломники. Она очень глубокая. Но это не оттого, что Лазарь был грешным больше нас. Нет, он был святее и лучше нас, хотя бы потому, что он был другом Христа. А могила глубока по другим причинам — 2000 лет тому событию... Какие могут быть исторические наслоения. А если даже и тогда глубока была, но вызван же Господь, и воскресший вышел.

Произойдёт ли такое с нами? Не застанет ли и не удержит ли какое-либо мытарство, не пускающее к Свету, к Христу?

«Высока и возделенна почесть быть только рабом и слугой Господа... Но беспримерно велико счастье тех, кого Сам Господь благоволил называть своими друзьями...»

Это высочайшее счастье быть другом Христовым может принадлежать и нам... Первый признак истинной близости есть искренность и откровенность...» (забыл источник, кажется, из «Настольная книга священника»).

Вот и митрополит Антоний (Сурожский) говорит: «Бог может спасти каждого из нас, но Он ничего не может сделать, если мы лжём перед собой и лжём перед Ним. Он может спасти того грешника, которым мы являемся, Он не может спасти того иллюзорного праведника, которого мы стараемся представить собой и которым мы не являемся. Если мы хотим

поклониться Богу, то мы должны поклониться Ему в истине, в правде, в честности и в доброй совести — тогда Бог делается нам доступен...

Поклоняться Богу — это значит стоять во всей правде и неправде своей перед Богом, но истинно перед Ним стоять, видеть в Нём своего Господа Бога... (Спасителя — Е.Ю.)...

Если мы так поклоняемся Богу, то это поклонение должно пойти далеко за пределы хвалебных песен церковных или даже покаянных наших слов; поклонение Богу должно стать всем в нашей жизни. Каждый раз, как мы творим правду и правду говорим, каждый раз, когда мы творим добро и проявляем любовь, каждый раз, когда мы достойны своего имени человека и имени Божия, мы поклоняемся Богу духом и истиной».

Станем этому учиться...

(Цитата из Слова о самарянке. Митрополит Антоний Сурожский. 19 мая 1968)

* * *

Постоянно ловлю себя на мысли, что «не умею» говорить... Быстро и без причины возбуждаюсь, говорю как-бы с претензией, как будто у меня какое-то есть право говорить в такой тональности. Понимаю, что это от невысокой культуры, от недостаточной образованности...

И сделал наблюдение, что такое состояние у многих священников, и даже у образованных, начитанных и талантливых. В какой-то момент и они, вдруг, начинают излишне жестикулировать, повышать голос, торопиться, сверкать глазами, делать мимику и прочее.

То есть умение говорить, донести речь, проповедь, лекцию, отвечать на вопросы — удел немногих...

И Митрополит Антоний один из этих немногих, покоряющих искренностью и верой, и преданностью Богу, России и Православию.

(Запись после просмотра на планшете четырёх частей фильма о нём, созданного Валентиной Матвеевой из Санкт-Петербурга — режиссёром и духовной дочерью его.)

* * *

По поводу поста задали вопрос одному иеромонаху. Он, отвечая, приводил в пример Апостолов Петра и Павла, что в их (апостольском посте) хорошо бы их читать: Деяния... Апостольские послания, и таким образом, во-первых, углублять свои знания или вспоминать их постоянное в жизни напряжение внутреннее и физическое, их постоянное пребывание в опасности быть арестованным, избитым или убитым...

А вопрос-то был задан «простой» — что есть, что пить? А он про конкретику ни слова. Ведущая передачу деликатно направляет иеромонаха в русло «пития и еды»... И он рассказывает о недавней поездке на Афон, говорит о строгости трапезы там у них, о том, что у греческих монахов никаких супов, борщей нет, что по нашему «второе» у них достаточно плотное и вдобавок обильный салат; из деликатесов только оливки, к чаю лукум... Никаких компотов, варенья, пряников и печенья на столах нет. В понедельник, среду и пятницу — один раз трапеза в обед. А в кельях? В кельях чай, кофе, вода, но тоже не без меры.

Завершил монах ответ примером из древнего Патерика... Кажется Пахомия Великого (я могу быть неточным, но суть такова). Пахомий задаёт вопрос Ангелу: «Вот, если я захочу есть — надо ли преодолевать голод?»

Ангел ему говорит: «Встань (видимо, встань от молитвы) и поешь».

«Если я ещё захочу?..» Ангел отвечает: «Поешь».

«А если я ещё раз захочу?..»

«Пахомий, ты же не свинья», — был ответ.

Времена меняются, такое было в глубокой древности. Люди вообще и монахи даже стали совершенно другими.

Вспоминается прочитанный сюжет. Какому-то современному монаху было благословение обустроить и возглавить, кажется, в Абхазии, мона-

стырь. Он много трудился и выполнил послушание, но только одно оставалось нерешённым — он не знал как поступить, как решить вопрос питания. То ли утвердить двухразовое питание братии, то ли трёхразовое? И он поехал в Псково-Печерский монастырь к архимандриту Иоанну Крестьянкину, задал ему свой вопрос.

Иоанн Крестьянкин, не задумываясь, и к большому удивлению вопрошающего сказал: четырёхразовое!..

Можно по-разному рассуждать, нам светским — мирским, но Иоанн Крестьянкин мудростью своей (будучи сам к себе строгим монахом) однако знал сегодняшнего молодого монаха, пришедшего из мира совершенно другого (не из того, из которого пришёл Иоанн), сделал правильную оценку, видимо, учитывая бесконечные чаи и перекусы, и чётко обозначил каверзный вопрос.

* * *

«Разделиша ризы Моя себе, по одежде Моей меташа жребии». Этот потрясающий возглас мы вторили хору в Кинешемском соборе, совершая так называемую Пассию четыре Воскресения по числу Евангелистов вечером в Великом посте.

Мне пришлось 14 лет послужить в Кинешме и каждый год настоятель собора непременно совершал этот чин. Там был хороший хор с правильно ориентированным регентом и были два протодиакона, хорошо знающие Устав Церковный и чинно и благолепно соответственно в минорной тональности подающие — «оформляющие» службу. В конце полагалась проповедь. Приходилось говорить и мне. Этот чин, скорее с католическим уклоном, но прижился в некоторых православных приходах...

Ещё такие Пассии я слушал в Москве в Николо-Кузнецях. Их проводил — возглавлял протоиерей Всеволод (Шпиллер). Там, кроме пения и Великого прокимна, «гвоздём программы» были его, (протоиерея Всеволода) проповеди. Их слушали его будущие последователи и продолжатели. Все они (или большинство) были высокообразованными учёными: филологами, математиками, физиками. Некоторые стали священниками.

* * *

Ты знаешь, как там хорошо, в моей деревне, какая красота? Я просто хожу из угла в угол и млею от радости душевной...

Собеседник ухмыляется мило, а про себя думает: «Ноябрь на носу. Золотая осень уже отлетела, и сырость, слякоть под ногами. Какая там красота?» А вслух спрашивает: «Пишешь?» «Нет. И папка не раскрыта. Третий день наслаждаюсь тишиной и спокойствием. Телефон отключен. И бесконечно радостно от тишины природной. Благодать Божия всюду, куда ни глянь. И воздухом не надышишься, и на озеро с отражающимися облаками не насмотришься. Да ещё вдобавок и караси... Я и не ловлю их, они сами ловятся. Удочку налажу, поставлю, и хожу по плотине, смотрю, как речка журчит, коряги и заросли рассматриваю, или гладь озёрную, и твержу услышанную на днях из передачи фразу, застрявшую в голове и сердце моём, и так мне хорошо, и так моё состояние совпадает с ней: «Собери ум мой, Господи, в молчании молитвы».

«В молчании молитвы...»

Так благостно и отрадно, и так хорошо бы «пойти путём делания растворённого смирением», как сказал какой-то святой отец.

* * *

«После каждого дела своего он (Давид — царь Израильский) приносил благодарение Святому всевышнему словом хвалы; от всего сердца...» (Сирах 47, 9-10).

Где найти такие слова? Они точно есть, и их неоднократно кто-то уже сказал. Скорее всего это будет стихотворная строчка, лучше которой

мне точно не выразить, но до страсти хочется подсоединиться, и далее сказать о своём. Не думаю, что это будет сильно интересно читателю, но для меня (и моих единомышленников) предполагаемое повествование необходимо. Тема ухода, тема смерти волнует меня, и пока волнением не тягостным, а скорее благодарственным.

После ухода матушки (она очень хотела, чтобы умереть раньше меня) это «мысленное волнение» было основным при всех обыденных и душевных настроениях. Службы и дела продолжали идти своим чередом с вкраплением в них (без напряжения): прочесть сколько-то из Псалтыря, съездить на могилку к матушке, привезти букет, повздохнуть, совершенно забыв её больную и умирающую, а памятуя только молодую, трепетно заботливую о детях и обо мне (что при жизни не воспринималось так остро, а было как само собой разумеющееся). Рассматриваю фотографию, недавно нашедшуюся, мы с ней вдвоём в саду при родительском доме (кто-то, не помню, нас сфотографировал), застиг мгновение с таким любящим выражением нежности, тепла и ласки, что я ещё и ещё умиляюсь и благодарю Бога... И вспоминаю, как Господь послал мне (такому эгоистичному, избалованному в семье старшему сыночку-первенцу, по выражению отца) невесту Ларису, при моём малом молении и сердечной просьбе: «Пошли мне, Господи, верную спутницу, добрую невесту!», и очень скоро это произошло. Мы встретились, и через месяц у нас была свадьба...

Мы прожили вместе 56 лет. Умерла матушка в Успение Пресвятой Богородицы. Несмотря на наши грехи милость Божия и молитвы родительские (и при жизни и с той стороны) спасали нас.

* * *

Мы, верующие люди, часто поминаем — говорим об Ангеле-хранителе... По утрам и вечерам среди основных молитв читаем молитву и Ангелу-Хранителю...

С самых ранних лет мы задаём себе вопросы: какой он, почему я его не вижу и как бы увидеть?.. И множество других «почему» возникает в человеческом уме детском, отроческом, юношеском и во взрослом тоже, где (в уме) всегда переплетается вера с неверием.

А между тем Церковь имеет знание об этом мире существ духовных, о котором (знании) высказываются святые люди, руководимые Духом Святым и священным писанием. Вот преподобный Иоанн Кассиан Римлянин говорит: «Никто из верных не сомневается, что прежде сотворения видимого мира Бог сотворил духовные и небесные силы, которые, зная, что они сотворены из небытия для великой славы блаженства, по благодати Творца, воссылают Ему постоянное благодарение и непрестанно прославляют Его».

Если Ангелы постоянны в прославлении Бога-Творца, значит, и мы можем, подражая им, благодарить и прославлять Господа, умножая словословия, воссылаемые Творцу всего.

* * *

Одна женщина вспоминает, как в паломнической поездке посещая монастырь в городе Костроме, услышала необычную фразу: «Дышите тише...»

Её произносит монах (прислужник) молящемуся народу при выносе для причастия Святой Чаши.

Для монастырской братии характерно состояние страха Божия, вообще, а во время причастия особенно. Приезжие паломники, как бы не были удивлены монастырским молением и пением, однако, производили какие-то шумы и нестроения... и смиренный монах это пресекает: «Дышите тише!..» Во как!